

ОТРАЖЕНИЕ МИРОВОСПРИЯТИЯ ЖИТЕЛЕЙ РЕЖИ В ИХ ПРОЗВИЩАХ*

Аннотация. В статье анализируются прозвища жителей Режского сельского поселения Сямженского района Вологодской области в структурно-семантическом и этнолингвистическом аспектах. Различные стратегии прозвищной номинации задают свой ценностный регистр в системе социально значимых параметров идентификации личности: индивидуальные прозвища выделяют одного конкретного человека среди односельчан и характеризуют его по каким-либо заметным для всех особенностям внешности или поведения; релятивные прозвища характеризуют человека в микроколлективе одной семьи; коллективные прозвища жителей целых деревень создают собирательный образ обитателей одной сельской местности, противопоставленных по различным признакам жителям другой местности.

Ключевые слова: прозвище, народная картина мира, диалектный социум.

В современном диалектном социуме достаточно активно функционируют прозвища, являющиеся специфическим средством идентификации отдельной личности или группы лиц в рамках диалектного сообщества. Прозвище противопоставлено основному именованию человека по своему происхождению и условиям употребления: имя дается в семье, прозвище — на «улице» и может перерасти в уличную фамилию.

В последнее десятилетие появилось довольно много работ, посвященных изучению такого разряда антропонимов, как прозвища, особенно прозвищ в диалектной среде, коллективных прозвищ. Так, например, большая работа в этом направлении проводится в Уральском государственном университете, где подго-

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного гуманитарного фонда. Проект № 15-04-00205/15 «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома».

товлен «Словарь русских коллективных прозвищ»¹. Вопрос же о наиболее оптимальной классификации прозвищ остается в ономастике по-прежнему открытым.

Объектом изучения в данной статье являются неофициальные антропонимы, зафиксированные на территории Режского сельского поселения Сямженского района Вологодской области. Общее число анализируемых онимов — 280, они были собраны в результате диалектологических экспедиций Вологодского государственного педагогического института / университета (теперь ВоГУ) под руководством доцента Л. Ю. Зориной в основном в 80-е и 90-е годы XX века². Анализу в статье подвергаются антропонимы с установленным мотивом номинации, реальные имена людей — носителей прозвищ не указываются по этическим соображениям.

Изучение неофициальных антропонимов режского говора, дополненное изучением его лексической системы в целом, позволяет описать один из важнейших фрагментов народной культуры, связанный с представлениями о человеке с точки зрения его оценки самим собой.

В центре этой системы оценок находится сам человек, его личность и внешность, репрезентированные **индивидуальными прозвищами** (134 лексемы). В основном эти прозвища представляют собой разновидность неязыковой мотивированной номинации и кроме идентифицирующей функции выполняют функцию характеристики лица, т. к. имеют коннотативную окраску на лексическом или словообразовательном уровне.

Во внешности человека традиционно обращает на себя внимание признак «чрезмерно высокий рост» — **Колыш, Долбило**

¹Воронцова Ю. Б. Из наблюдений над территориальным распределением русских коллективных прозвищ // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г. / Под. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 52.

²Картотека словаря режского говора, хранится на кафедре русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета.

или, наоборот, низкий рост — **Воробьёнок**; особенности телосложения: чрезмерная полнота — **Квашня**, **Корчага** (полные женщины), **Медведица** (мощная, косолапая женщина), **Пестерь** (полный мужчина); различные физические недостатки: **Костыль** (хромой мужчина, ходящий с костылем), **Коско** (человек, страдающий косоглазием), **Ключиха** (женщина, у которой была сломана ключица), **Кривоножка**, **Корявишна** (женщина с поврежденным оспой лицом).

Прозвище могло быть дано по какой-либо *отдельной внешней примете человека*: толстая и отвислая нижняя губа — **Брилла**; постоянно открытый рот — **Ворона**; необычная форма головы, лба — **Колун** (заостренная кверху голова), **Поварёнка** (крутой лоб); привлекающий внимание цвет глаз, волос или кожи: **Луца** (мужчина с черными, пронзительными глазами), **Биля** (от «белый», т. е. светловолосый человек), **Бронзовый котелок** (рыжеволосая девочка), **Рак** (мальчик, который был всегда красный, как рак), **Смолёвая** (пожилая женщина, которую сравнивали со старым деревом за смуглый цвет кожи); форма носа: «картошкой» — **Картохишна** (Танька **Картохишна**), **Картошка** (прозвище мужчины); **Кляпоносый** (с приплюснутым носом): *Он упал на дугу и это место переломил. Нос-то у него стал такой неловкой, да гнулсил, дак всё и звали кляпоносим.*

Мотивом номинации по особенностям внешности человека могли стать и какие-либо временные, уже исчезнувшие характеристики именуемого, закрепившиеся в памяти односельчан: **Мудик** (у человека в детстве была мошоночная грыжа); **Сопленосик** (у мальчика в раннем детском возрасте почти всегда было мокро под носом); **Седун** (мальчик не ходил до семилетнего возраста).

Обширную группу составляют прозвища, обращающие внимание на какую-либо *черту характера* или *манеру поведения* именуемого. Специфика мотивов номинации, участвующих в создании этих прозвищ, позволяет говорить о двух подгруппах.

1. Прозвища, дающие оценку характеру человека или особенностям его поведения в целом: **Богомолка** (очень набожная старушка); **Заглядка** — *Васька Заглядка* (постоянно вертел головой,

«заглядывал»); **Кулес** (мужчина, любивший наряжаться); **Лисица** (хитрая, сообразительная женщина); **Литавка** (непокойная женщина, непоседа); **Маслуха** (хитрая, «скользящая» женщина); **Матюга** (мужчина, часто использующий нецензурную брань); **Оказия** (нехороший человек); **Пулемёт** (девушка-лгунья); **Рознотёпый** (скромный, тихий и стеснительный человек); **Соломон** (мудрый человек); **Миёв хандырь** (мужеподобная девушка): *Миёв хандырь — девка, а не парень. Она брюки носила, на гармони играла. Нога на ногу положит да папиросу курит.*

2. Прозвища, полученные человеком за какой-либо отдельный его поступок или вследствие какой-либо отдельной регулярно повторяющейся особенности поведения: **Волк** — прозвище мужчины, который в период раскулачивания отобрал у хозяйки овцу и бросил ее на двор через голову; **Кыка** (*Ондрюха Кыка*) — прозвище старика, который очень не любил перешептывания в церкви и ударял шепчущихся по лбу согнутыми фалангами пальцев (*кыка* 'удар, щелчок' от *кыкать* 'ударяя чем-либо, издавать звук, стучать' (ср. пример, зафиксированный в граничащем с Сямжей Харовском районе — *Ну, перестань кыкать вёдрами!*)); **Мару** — прозвище мужчины, который вместо ругательства говорил: «У, мару!»; **Советская** (*Татьяна Советская*) — женщина, которая в первые годы Советской власти не венчалась, как все, а «расписалась» по новым законам, впоследствии и ее дети тоже были прозваны **Советскими**.

Прозвища характеризуют человека *по особенностям его речи, голоса*: **Паут** (тот, у кого визгливый голос); **Хныло** — *Ванька Хныло* (у кого гнусавый голос); **Широкоротая** — прозвище женщины с громким голосом: *Её широкооротой прозывают: больно громко кричит. Говорят: «Идёт Широкоротая», значит, Юля!*

Мотивом создания одного из релятивных прозвищ послужила также характеристика речевых особенностей, но не самого именуемого, а его матери: *У его мать тоже вроде этой Валентины — тьяв-тяв. Понимаешь, тьявкает, говорит — тьявкает. Так и помер Тявтёнком. Тявтёнок* — прозвище мужчины, речь матери которого была отрывистой, похожей на собачий лай.

Отдельную группу составляют прозвища *по роду занятий* или *профессии* именуемого. Как правило, прозвищем становится или редкая для села профессия: **Кино** — *Коля-Кино* (работал кино-механиком); или типичная для села профессия, но не массовая, иначе такое прозвище не выполняло бы функцию идентификации лица: **Пекарка** — *Поля-Пекарка* (женщина, много лет работавшая на пекарне); **Горшок** (мужчина, изготавливавший горшки, гончар). Прозвище **Хлебный** дано человеку, который всю войну был кладовщиком; оно напоминает о голоде военных и послевоенных лет.

Человек мог получить прозвище благодаря какому-нибудь занятию в детском возрасте: **Афиша** — *Павлик-Афиша* (ребенком по просьбе киномеханика расклеивал киноафиши).

Довольно большое количество прозвищ может быть объединено в группу под общим мотивом номинации — полученные при *необычных обстоятельствах*. Такое прозвище могло «пристать» к человеку с раннего детства в самых разных, иногда комичных, ситуациях. Например, ребенок не выговаривал какое-то слово, и именно оно становилось прозвищем: **Кабуй** (*Паши Кабуи*) — в детстве не выговаривал слово «обуй», говорил: «Мамка, кабуи!». Прозвище не только сопровождало этого человека всю его жизнь, но и послужило основой для образования семейного прозвища — **Кабунихи** (дочери Паши Кабуя): *Кабунихи-ти одна на Режу вышла, другая — на Двиницю*. Ср. также: **Карapyш** (*Митя Карapyш*) — прозвище мальчика, который однажды на уроке сказал: «У меня *карапуш* (карандаш) *сломался*»; **Чумачь** — прозвище мужчины, который в детстве произнес необычное слово: *Говорят, что парень однажды попросил у матери: «Мама, дай мне молока с чумачью». А что такое «чумачь» — никто не знает.*

Ребенок мог сказать что-нибудь, запомнившееся всем, и это легло в основу прозвища: **Колхозник** — прозвище мужчины: когда вступали в колхоз, он был еще ребенком и крикнул: «Я тоже *пойду в колхоз!*»; **Челюскин** — узнав о спасении летчиками людей с легендарного парохода «Челюскин», мальчик на уроке встал и

сказал: «*Я тоже буду Челюскиным*» (он имел в виду «стану челюскинцем», т. е. мореплавателем).

Прозвище могло навсегда запечатлеть как радостное событие в жизни ребенка: **Чапаёнок** — отец сшил мальчику папаху с красной звездой, он пришел в ней в школу, где в это время учили стихотворение о Чапаеве; так и трагическое событие: **Недорезок / Недорезанец** — прозвище мужчины, которого в молодости сумасшедший отец пытался зарезать.

Единичными примерами прозвищ представлены такие мотивы номинации, как *порядок рождения*: **Пятитентий** и **Пятый** — пятые по порядку рождения дети; *долголетие*: **Стогодовик**.

Совмещение сразу нескольких принципов номинации также способствует возникновению прозвищ с яркой внутренней формой: **Квасник** — прозвище мужчины, любившего пить квас и похожего на квасник; **Шаньгин** — прозвище мужчины, который очень любил есть *шаньги* и при этом был маленького роста; **Голля** — прозвище мужчины маленького роста, который воспитывался без матери. Экспрессия (отражающая чувство жалости) и оценочность в семантике этой лексемы поддерживается и способом словообразования: флексийная мена на базе основы прилагательного *голый*.

Следующее прозвище тоже совмещает в себе несколько мотивов номинации: не только бросающаяся в глаза внешняя черта, но и свойство характера, манера поведения именуемого — **Вовка Сосок**: *У Вовки у Соска не хватает товку, бегаёт — только белые соски трясуцо*. Номинация возникает на основе метонимического переноса (часть тела — человек), вследствие чего создается яркая образность и экспрессия.

Как известно, большинство экспрессивов в диалектной речи характеризуется пейоративной оценкой, акцентирует внимание на различных отклонениях от нормы, оцениваемых негативно. Прозвища в этом отношении не являются исключением из правила. Лексемы с ярко выраженной положительной оценкой встречаются крайне редко, ср.: **Красивко** — прозвище мужчины с привлекательной внешностью.

Не всегда представляется возможным однозначно определить характер оценки (положительная или отрицательная). Сравните два контекста употребления одного и того же прозвища **Модёна**: 1) *Модёна была у нас одна — ходит модно, женщина была хорошая, модная, вот и прозвали Модёной.* 2) *Модёна её прозвали, любила губы вот так складывать.* Если речь идет об одной и той же женщине, то первый контекст вроде бы свидетельствует о положительной оценке, второй ставит ее под сомнение — в нем читается, по меньшей мере, ирония в адрес жеманницы. Что-то необычное, не как у всех, всегда привлекает к себе внимание и становится основой прозвища: **Шляпочница** — прозвище женщины, носившей соломенную шляпу.

В условиях села, где все друг друга знают, человек с какими-либо заметными особенностями внешности или поведения сравнивается с другим, возможно, похожим на него членом сообщества. Результатом такого сопоставления может явиться факт передачи прозвища «по наследству» другому лицу, не обязательно родственнику. Ср.: **Манефа** — прозвище женщины по имени Александра, которая, как и некая Манефа (прозвище умершей женщины), была косоглазой.

Следующий пример можно, вероятно, интерпретировать как переходный случай: от прозвища (имени собственного) к локальному экспрессиву (имени нарицательному): *В деревне жила у нас женщина, она была очень высокая. Прозывали её Канталихой. Теперь всех канталихами зовут, если женщина высокая.* Прозвище **Канталиха** изначально не было связано с высоким ростом человека, оно было именованием женщины по мужу или отцу.

Одна и та же лексема может явиться отправной точкой для возникновения сразу нескольких прозвищ на основе метафорического переноса. Ср.: **Копейка** — прозвище скупого мужчины (д. Рассохино, 1983 г.) и **Копейка** — прозвище мужчины маленького роста и слабого телосложения (д. Монастырская, 1984 г.). В этой же деревне (Монастырская) в 1990 г. зафиксировано прозвище **Копейка** у человека мелкого телосложения, которому предыдущий Копейка приходился родным братом (к 1990 году уже

умершим), а в 1991 году сделана запись прозвища **Копеята** — дети **Копейки**. Индивидуальное прозвище послужило основой для родового прозвания: *Вот, Маруся-то и копеят провожает*.

Прозвища данного типа (**Копеёнок, Копеята**) назовем **релятивными** (123 лексемы), т. е. образованными от различных именованных родственников³. Они имеют внутрilingвистическую мотивацию — создаются на базе других антропонимов (официальных и неофициальных)⁴. Релятивные прозвища в системе оценок человека реализуют такую ее важнейшую составляющую, как принадлежность человека к семье, роду. Человек в диалектном социуме обязательно должен быть чьим-нибудь, личность его устанавливается через его родство со старшими по возрасту и авторитетными жителями.

Прозвищная идентификация по гендерному семейному статусу достаточно разнообразна, подобные прозвища образуются от личного имени ближайшего родственника, от его прозвища, профессии, социального положения.

Самая значительная по объему группа представлена прозвищами, возникшими на основе *личных имен* ближайших родственников именуемого.

Чаще всего производящей базой для создания релятивного прозвища выступает основа *личного имени отца* именуемого. Это может быть личное имя в полной (официальной) форме: **Абрамёнок** < Абрам, **Борисята** < Борис, **Евграшонок** < Евграф, **Иринёхонцы** < Ириной, **Кирилёнок** < Кирилл, **Филатёнок / Филатята** < Филат, **Сергишна** < Сергей, **Сиволотиха** (Всеволотиха) < Всеволод и др.

³Пирожкова Е. А., Галинова Н. В. Релятивные прозвища женщин в диалектной среде // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г. / Под ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 213.

⁴Лисова И. А. К проблеме классификации неофициальных антропонимов // Ономастика Поволжья: материалы XIV Международной конференции (Тверь, 10–12 сентября 2014 г.) / Под ред. И. М. Ганжиной, В. И. Супруна. Тверь: Изд-во Марины Багасовой; Альфа-Пресс, 2014. С. 227.

Нередко производящей основой выступает деминутив личного имени отца: **Афонькишна / Офони́на** < Афонька (Афанасий), **Есинец** < Еся (Евстигней), **Лазунёнок** < Лазуня (Лазарь), **Лазункинец** < Лазунька (Лазарь), **Мишинец / Мишинята / Мишкин** < Миша (Михаил), **Пронишна / Пронинцы** < Проня (Прокопий), **Полашонок / Полонсков** < Полоня (Аполлинарий), **Сима́к** < Сима (Серафим), **Толинцы** < Толя (Анатолий), **Федю́нинец** < Федюня (Федор).

Зафиксированы прозвища, возникшие от основы *личного имени матери* именуемого — от его полной формы: **Марфёнок** < Марфа, **Фаининец** < Фаина и от деминутивов: **Катюшонок** < Катя (Екатерина), **Лисинец** < Лиса (Елизавета), **Настюхинец** < Настюха (Анастасия), **Овдюхинец** < Овдюха (Авдотья), **Паранинец** < Параня (Прасковья), **Пахины** < Паша (Прасковья), **Сименец** < Сима (Серафима).

Отмечены случаи образования прозвищ от различных форм личных имен *деда* — **Ванчелята** < Ванчи́ло (Иван), **Васинец** < Василий, **Лаверёнок** < Лавер (Лавр), и даже *бабушки* именуемого: **Платошина** < Платоша (Платонида), **Маурин** < Маура.

Многочисленны релятивы, образованные от *прозвища отца* именуемого: **Балаёнок** < Балай, **Билинец** < Биля, **Волчата** < Волк, **Голинец** < Голя, **Горшиха / Горшихшины / Горшонок** < Горшок, **Кабуниха** < Кабуй, **Калабанёнок / Калабаниха** < Калабан, **Квашники** < Квашня, **Комлячиха / Комлячонок** < Комляк, **Кулижонок** < Кулес, **Маслушонок** < Маслуха и др.

Зафиксирован пример образования релятива непосредственно от *отчества отца* именуемого: **Панфилёнок** < Панфи́лыч: *Всё Панфи́лыч да Панфи́лыч! Эдак и на сына пошло — Панфи́лёнок!*

Среди релятивных прозвищ Режи большую группу составляют номинации женщин. На протяжении многих столетий женщина играла в основном второстепенную роль при мужчине, из-за чего многие женские онимы возникали с отсылкой к мужскому антропониму. Выше уже были перечислены некоторые женские прозвища, восходящие к личным именам отца и матери именуемой, а также к прозвищу отца.

Отмечено несколько номинаций, созданных и на базе *прозвища матери*: **Корчажкишна** < Корчага, **Тяпшина** < Тяпа, **Языниха** < Языня: *У нас старушка со Слободки, её всё звали Языниха, а мать её всё звали Языня. Всё и потыкали — Языниха.*

Среди женских релятивов преобладают прозвища, отсылающие к различным номинациям мужа.

Самыми частотными оказываются прозвища, образованные от различных форм *личного имени мужа* или его *прозвища* в процессе суффиксации с использованием «женского» форманта *-их(а)*: **Деяниха** < Деян, **Манилиха** < Манил (Эммануил), **Обрамиха** < Абрам, **Обросиха** < Оброс (Абросим), **Фирстиха** < Фирс; **Седуниха** < Седун, **Кондучиха** < Кондук, **Костылиха** < Костыль.

Такие прозвища могут употребляться как самостоятельные, но чаще выступают как вторая часть личного женского имени, идентифицируя «замужнюю женщину»: **Картошкина** (*Танька Картошкина*) — прозвище женщины от прозвища мужа — **Картошка**. Второй раз она была замужем за человеком по прозвищу **Седун** и звалась *Танька Седуниха*. Эту же самую женщину по отцу (Афанасий) звали *Танька Афонькишна* (*Офонина*).

Отдельные женские релятивные прозвища образуются по модели притяжательных прилагательных — **Офонина** < Офоня (Афанасий), **Картошкина** < Картошка, **Матюгина** < Матюга, **Валеткова** < Валетко; другие создаются по типу отчества, но отсылают не к имени отца, а к *имени мужа*: **Куприяновна** < Куприян, **Лазунькишна** < Лазунька (Лазарь) или к *фамилии мужа*: **Лузановна** < Лузанов, **Ожигишна** < Ожигин.

Прозвища детей, образованные от обозначений профессионального или социального статуса родителей, отмечаются значительно реже. Удалось зафиксировать два релятива от профессии одного из родителей: **Урядничонок** / **Урядничата** — прозвище детей по должности отца (урядник); **Пекарёнок** — сын *Поли-Пекарки* — в этом случае релятивное прозвище сына возникло на основе отпрофессионального прозвища матери. Одно прозвище характеризует социальный статус матери именуемых детей: **Вдовины** < вдова.

Следует обратить внимание на то, что в говоре Режи достаточно высокой активностью характеризуются релятивные прозвища, образованные от личного имени или прозвища матери (иногда и бабушки), что в принципе не является типичным для антропонимов данного типа. Релятивы служили основой для создания семейных прозваний, которые, в свою очередь, отправной точкой стремились иметь мужское именование, и только особые обстоятельства ставили во главу семьи женщину. Массовое возникновение релятивных прозвищ и, тем более, уличных фамилий от женских антропонимов говорит о неблагополучии внутри семьи — отсутствии в ней по разным причинам хозяина, кормильца. Объяснение этого явления, вероятно, следует усматривать в сложившейся в России конца 80-х — начала 90-х гг. социально-экономической и демографической ситуации.

В диалектном онимическом пространстве существуют неофициальные, так называемые *уличные* фамилии, появление которых обусловлено общественно-бытовыми условиями сельской жизни, тем, что часто в пределах одного населенного пункта встречаются семьи-однофамильцы, сохранившие родственные связи. В Режиском сельсовете функционирует небольшое количество фамилий (*Вахрушевы, Востряковы, Игнашевы, Ратушины, Стариковы* и др.). Индивидуальные прозвища, конечно, способствуют облегчению процесса идентификации лица, но более всего эту функцию реализуют релятивные прозвища, которые, возникнув вначале как номинация одного члена семьи (или всех родственников одного поколения семьи), распространяются на многие последующие поколения данной семьи, т. е. становятся *уличными* фамилиями.

О том, что какой-либо неофициальный антропоним релятивного типа вполне вероятно может функционировать в качестве *уличной* фамилии (т. е. передается от поколения к поколению в рамках одной семьи), свидетельствует его структура — словообразовательный тип с антропоформантами *-ов-* (*-ев-*), *-ин-*, по которому чаще всего образуются *уличные* фамилии от личных имен

или прозвищ: *Отец был Федосом — вот и говорят: Ванюха Федосков.*

Первостепенное значение в определении для антропонима статуса уличной фамилии имеют, безусловно, свидетельства информантов. Например, зафиксировано объяснение возникновения коллективного антропонима **Ласаковы** для детей и всех потомков мужчины по прозвищу **Ласточка**. Он не был местным жителем, приехал в деревню. Детей его стали называть прозвищем — *Ласаковы (Ласточкины)*. Его сын — *Егор Ласточкин* (настоящая фамилия — Прокофьев), внук этого Егора — *Васька Ласаков*, жена которого получает прозвище *Ласаковна*.

Однако уличной фамилией может стать антропоним и другого, не менее распространенного в вологодских говорах словообразовательного типа с антропоформантами *-ёнок- / -ят(а) и -ец- / -(ин)цы*: **Егорята** — коллективное прозвище всех детей и внуков *Старикова Егора*; **Сорочата** — семейное прозвище *Вахрушевых*; **Чижихинцы** — прозвище семьи от их фамилии **Чижовы**; **Билинец** (*Женька Билинец*): *Женька-то толстой Билинец-то. Дед — Биля. Билинцем звали и зятя, и внука.*

На следующем уровне в ценностной системе диалектного речевого континуума человек — представитель рода становится представителем целой общины, сельского сообщества. **Коллективные прозвища** жителей отдельных деревень Режского сельсовета (23 номинации) выявляют не исключительность, индивидуальность, а, наоборот, включенность личности в один социум. Выявление мотивов создания данных антропонимов позволяет воссоздать исторически сложившийся коллективный «образ» жителей того или иного населенного пункта.

Например, яркая особенность внешнего облика жителей д. Коробицыно запечатлена в их коллективном прозвище **коробицынцы-брюханы** (информант говорит, что жители этой деревни были «брюхатые», «толстобрюхие»). Веселый нрав жителей д. Рассохино отражает прозвище **рассохинцы-зубоскалы**: они любят подшучивать, подсмеиваться.

Следующие номинации содержат в себе характеристику односельчан по доминирующим чертам поведения, обычаям и привычкам: **наливашники** — жители д. Лукавино (Монастырская): в деревне была церковь, и жители часто ходили на венчание, где им наливали вина. **Чернотропики** — жители д. Марково: избы раньше топили по-черному, поэтому в домах было грязно, а хозяйки еще и редко их мыли. Когда люди зимой выходили на улицу в той обуви, в которой ходили по избе, то тропинка от их следов чернела.

Коллективные прозвища, как и индивидуальные, представляют собой в основном лексемы с отрицательной коннотацией, они нередко высмеивают какие-либо человеческие пороки (пьянство, нечистоплотность), а иногда и прямо указывают на преступный характер поведения именуемых: **гридинцы-живорезы** — жители д. Гридино, прозваны так за большое количество драк и убийств в деревне.

Такие прозвища вербализуют существующую в народной картине мира оппозицию «свое — чужое». Рассмотренные примеры представляют собой не самоназвания жителей того или иного населенного пункта, а взгляд со стороны, глазами жителей соседних деревень, ср.: **магазиники / магазейны** — жители д. Монастырская. В деревне был казенный амбар — магазей: *Магазей-то была очень высокая, большая. Потолка в ней не было, стояли сусеки. А в одном сусеке хлеба не было; один мужик забрался туда, думал, чтобы из-под низа выпускать зерно. А зерна-то не было. Он упал и сломал ногу — вот почему их стали звать магазейниками: что воры они!*

Нейтральные обозначения жителей деревень Режи создаются по продуктивным как в литературном языке, так и в вологодских говорах словообразовательным моделям. Данные номинации относятся к параметрам пространственной ориентации в картине мира диалектоносителя: где *проживает* человек — **бурнинянка** (жительница д. Бурниха), **тафтянка** (по названию сельсовета — Тафта), **режак / режаки / режачи / режичи / рижская** (жители Режи), **марковушка / марковушечка** (жительница д. Марково), **фо-**

фан / фофаны / фофанец / фофанцы (д. Фофанец); *откуда он родом: рубцовка* (*Настя Рубцовка* — родом из д. Рубцово), **сондожаха** (родом из Сондуги), **ратёха** (из д. Ратино), **гридинская** (из д. Гридино); *откуда переехал: куловская* (приехавшая из д. Кулово), **колобовский** (последним переехал из д. Колобово в д. Колтыриху).

Коллективные названия всех жителей населенного пункта используют суффиксы форм существительных множественного числа *-и(ы)*: **гридинцы** (д. Гридино), **коробицынцы** (д. Коробицыно), **рассохинцы** (д. Рассохино), **колобовцы** (д. Колобово), **копыловцы** (д. Копылово), **кругловцы** (д. Круглая), **лукавинцы** (д. Лукавино), **марковцы** (д. Марково); *-ан(е)*: **двиничане** (местность Двиница), **колтыряне** (д. Колтыриха), **лукиняне** (д. Лукинская); и характерные как раз для морфологической системы севернорусских говоров формы на *-ан(а)*: **двиничана**, **колтыряна**, **копыловчана**, **бурниняна**, **коробицына**, **лукавинца**, **лукиняна**, **монастыряна**.

Рассмотренные лексемы, служащие коллективными прозвищами жителей Режского сельского поселения, встречаются в их речи и по сей день. Причем зачастую, называя обитателей той или иной деревни, информант воспроизводит и существующее (или существовавшее) в данном диалектном сообществе специфическое отношение к жителям конкретной деревни: *Копыловчана не наши, они хуже яблочной каши*; вспоминает какие-либо подробности их хозяйственной деятельности: *Колобовцы дак страсть сколькё клестов ловили*; *Фофаны поднимают подтон высоко, дак у них спичками стог обтыкают*; или констатирует особенности географического расположения: *Монастырёнки живут всё к церкви ближе, а лукавинцы — поодаль от неё*.

Особенности восприятия географического пространства показывает и оппозиция «*широкое — узкое*», определяя место человека в границах села, ср.: **волощане** (название всех жителей волости, т. е. деревень Копылово, Рассохино, Гридино) и **краенчане** (название жителей, живущих на краю деревни).

Таким образом, в диалектном языковом пространстве Режского сельского поселения Сямженского района Вологодской области функционируют прозвищные номинации, являющиеся средством идентификации отдельной личности (индивидуальные прозвища); группы лиц — членов одной семьи, рода (релятивные прозвища, уличные фамилии); а также жителей отдельных населенных пунктов (коллективные прозвища) в рамках диалектного сообщества.

Индивидуальные прозвища выделяют одного конкретного человека среди односельчан и характеризуют его по каким-либо заметным для всех особенностям внешности или поведения. Апеллятивные основы индивидуальных прозвищ представляют собой лексику как общерусскую, так и локальную, фиксируемую в Вологодской группе говоров (*брила, бухарь, долбило, колобан, колыш, комель, кулес, литовка, пестерь, смолёвый, сумёрзлый* и др.).

Релятивные прозвища характеризуют человека в микроколлективе одной семьи, коллективные прозвища жителей целых деревень создают собирательный образ обитателей одной сельской местности, противопоставленных по различным признакам жителям другой местности.

Каждая стратегия прозвищной номинации задает свой ценностный регистр в системе социально значимых параметров идентификации личности. Через выражение отношения к конкретному человеку прозвища отражают и мировосприятие, присутствующее данному языковому коллективу в целом. Будучи метками, порой неожиданными характеристиками, они направлены на именуемого с юмором, нередко даже с участием и заботой, не содержат злой иронии или сарказма. Изучение неофициальной диалектной антропонимии, безусловно, позволяет выявить мировоззренческие составляющие социума, такие, например, как творческое и ироничное восприятие себя самого и окружающих людей, тяготение к языковой игре и выражению через нее своей оценки происходящего вокруг.

N. Komleva. Reflection of World Perception of Rezhza Residents in the Materials of Their Nicknames

The article analyzes the nicknames of inhabitants of the Rezhsky rural settlement of the Vologda region's Syamzhensky District in the structural-semantic and ethnolinguistic aspects. Different strategies of nickname nomination set their value register in the system of socially significant parameters of identity establishment: individual nicknames allocate one specific person among the villagers and characterize him according to some features of appearance or behavior which are noticeable to everyone; relative nicknames characterize a person in the micro group of a family; collective nicknames of inhabitants of whole villages create a collective image of one rural area's residents which oppose the inhabitants of other areas on the various basis.

Keywords: nickname, popular picture of the world, dialect society.